

П. В. Еремеев

«ЯВЛЕНИЕ НОВОЕ, ЧУЖДОЕ СТАРОЙ РУСИ»: СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ Н. И. КОСТОМАРОВЫМ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

В статье предпринята попытка выяснить, насколько оригинальными для своего времени были взгляды Н.И. Костомарова на сущность и значение старообрядчества. Прослежена связь идей историка относительно староверия с ранее высказанными взглядами И.С. Аксакова и А.П. Щапова. Анализируется влияние общественно-политических и религиозных убеждений Н.И. Костомарова, его методологических подходов на оценки старообрядчества. Показано, что во взглядах Н.И. Костомарова на раскол проявилась достаточно типичная для XIX века ориентализация народа.

Ключевые слова: Н. И. Костомаров, старообрядчество, историография, И.С. Аксаков, А.П. Щапов, романтизм, ориентализм, внутренняя колонизация.

История старообрядчества не была основной сферой научных интересов Николая Ивановича Костомарова. Тем не менее, историк неоднократно обращался к данной проблематике. Взгляды Николая Ивановича на феномен староверия отразились в его статье «Церковно-историческая критика в XVII веке» [17] и книге «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (главы о патриархе Никоне, Юрие Крижаниче, Фёдоре Алексевииче, царевне Софье, Епифании Славинецком, Симеоне Полоцком и их приемниках, Димитрие Ростовском) [19, с. 136–184, 318–441] и, конечно, в его работе «История раскола у раскольников», который был впервые издан в «Вестнике Европы» за 1871 г., а затем несколько раз переиздавался [15].

Последняя из названных работ Н.И. Костомарова широко известна среди специалистов по истории старообрядчества, на неё часто ссылаются в соответствующих исследованиях [См., напр.:

14, с. 116; 25, с. 24-25]. Взгляды историка на раскол оказали определённое влияние на деятелей литературы и искусства. Так, во многом под влиянием Н. И. Костомарова М.П. Мусоргский приступил к подготовке либретто оперы «Хованщина», Д.Л. Мордовцев писал достаточно известные исторические повести и романы [22, с. 10]. Тем не менее, историографических исследований, в которых рассматривается изучение Костомаровым старообрядчества, немного. Единственной специальной работой, посвящённой данной проблематике, является статья петербургского исследователя В.В. Молзинского «Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества» [22].

Нами предпринята попытка выяснить, насколько оригинальными были взгляды Николая Ивановича Костомарова на старообрядчество, в какой мере они были связаны с его общими методологическими подходами, общественно-политическими, религиозными взглядами, как современные Н.И. Костомарову процессы изучения старообрядчества повлияли на его понимание феномена «староверия».

Заинтересованность Н.И. Костомарова историей старообрядчества вполне объяснима. Прежде всего, Николай Иванович всегда живо интересовался историей религии: его первая диссертация была посвящена унии 1596 г., истории Церкви посвящён ряд других научных трудов историка [21, с. 302–303, 333, 343–344]. В своей автобиографии Н.И. Костомаров отмечает, что впервые близко познакомился со старообрядцами в саратовской ссылке, где губернатор поручил ему заведование секретным столом, в котором производились преимущественно дела, связанные с расколом. Причём, как отмечает Н.И. Костомаров, работа, связанная со староверием, была ему «весьма любопытна» [18, с. 210].

Кроме того, в 1850–1860-е гг. в российской публицистике история и современное авторам состояние старообрядчества активно обсуждались, что было связано с общей либерализацией интеллектуальной жизни того периода [3, с. 16-24].

В этих условиях Костомаров и написал свою знаменитую «Историю раскола у раскольников» [15]. Данная работа посвящена анализу сочинения начала XIX в. «Хронологическое ядро

старообрядческой церкви», написанного старообрядцем Поморского согласия Павлом Любопытным. При этом анализ сочинения Павла Любопытного Н.И. Костомаров предваряет достаточно обширным экскурсом в историю староверия, своими рассуждениями о сущности и значении данного религиозного движения. Кроме того, анализируя взгляды Павла Любопытного, Костомаров постоянно высказывает свою точку зрения по тому или иному вопросу, касающемуся староверия в целом. Как отмечал в своей «Автобиографии» сам Н.И. Костомаров, главной задачей его работы «История раскола у раскольников» было «объяснить культурное значение великорусского раскола в духовной жизни русского народа» [18, с. 396-397].

Основная идея, которую аргументирует Н.И. Костомаров в своей работе, – взгляд на раскол как фактор умственного прогресса. Исследователь отмечал: «Потребность удерживать то, что прежде многие века стояло твёрдо... эта потребность, явившись на свет, вызвала вслед за собой такие духовные нужды, которые вводили русский народ в чуждую ему до того времени область мысленного труда... Мы не согласимся с мнением, распространённым у нас издавна и сделавшимся, так сказать, ходячим, будто раскол есть старая Русь. Нет, раскол – явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека; гораздо более походит на него православный простолюдин. Раскольник гонялся за стариною, старался как бы точно держаться старины, – но он обольщался; раскол был явлением новой, а не древней жизни. В старинной Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ею – раскольник же только и думал о религии, на ней сосредоточивался весь интерес его духовной жизни; в старинной Руси обряд был мертвою формою и исполнялся плохо – раскольник искал в нем смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; в старинной Руси знание грамоты было редкостью – раскольник читал и пытался создать себе учение; в старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих – раскольник любил мыслить, спорить, раскольник не успокоил себя мыслию, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует» [15,

с. 291–292]. Ту же мысль, но более кратко, Н.И. Костомаров сформулировал и в труде «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», указывая: «возникшая борьба между церковью и расколом распространяла грамотность пуще школы» [19, с. 334].

Попробуем выяснить, в какой мере данная идея Н.И. Костомарова была оригинальной? С.Г. Пушкарёв в работе «Историография Русской Православной Церкви» отмечал, что именно Н. И. Костомаров был первым, кто «решительно отказывается от обычного взгляда, который видит в расколе только слепую любовь к старине, бессмысленную привязанность к букве, умственную неподвижность, невежественную враждебность к просвещению», показал, что в старообрядчестве русский народ проявил «своеобразную деятельность в области мысли и убеждения» [23].

По мнению В.В. Молзинского на идею Н.И. Костомарова о старообрядчестве как факторе умственной жизни и духовного развития русского крестьянства повлияло усвоение историком славянофильских идей [22, с. 8–9]. Аргументируя данную точку зрения В.В. Молзинский ссылается на работу И.С. Аксакова «Краткая записка о странниках и бегунах», которая была написана в 1852 г. и впервые опубликована в журнале «Русский архив» в 1866 г. [2]

В этой статье И.С. Аксаков, рассуждая о причинах развития старообрядчества, пишет: «в расширении пределов раскола участвует потребность умственной деятельности. Действительно, дичась просвещения, проповедуемого правительством, или вовсе лишённые возможности просвещаться свободно и безбоязненно, крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущие приложить свои силы к трудам умственным, при недоверии к обществу, правительству и духовенству, большею частую обращаются в раскол, представляющий им обширное поле для деятельности. Они покидают места своего жительствова и бегут к раскольникам, в леса и пустыни, где находят особого рода общества людей ученых, то есть начитанных, обширные библиотеки, читателей, издателей, переписчиков и все пособия для свободного общения мысли и слова» [2].

Однако у Ивана Аксакова потребность в умственной деятельности – лишь одна из причин распространения раскола. Мыслитель отмечает, что стремление к своего рода интеллектуальной

деятельности часто приводила простолюдина в раскол. Но сам по себе раскол у И.С. Аксакова не становится фактором умственного прогресса. Об этом свидетельствуют и его письма. В частности, в письме от 17 июня 1849 г. И.С. Аксаков, характеризуя бессарабское старообрядчество, отмечает: «Сорвавшись с якоря православной церкви, раскол стал блуждать так, как заблуждается вообще человеческий ум в делах веры, если он предоставлен самому себе; старина их – предания о Федьке Косом или т<ому> подобные» [1]. В другом письме, написанном в апреле 1852 г. после посещения старообрядческого Рогожского кладбища, И.С. Аксаков замечает: «Если у раскола отнять фанатизм, строгость и чистоту нравственную и вообще характер гонимой церкви, то что же за ним останется? Или одна бессмысленная приверженность к обряду, или характер политический с отсутствием религиозного» [1]. Нет у И.С. Аксакова и характерного для Н.И. Костомарова акцентирования на расколе как принципиально новом для Руси явлении.

Также следует отметить, что на рубеже 1840–1850-х гг., когда была написана статья И.С. Аксакова «Краткая записка о странниках и бегунах», его взгляды были неопределёнными, поэтому нет достаточных оснований относить мыслителя к славянофилам [10, с. 235–240]. Взгляды И.С. Аксакова на старообрядчество также не были типичны для славянофильства. Вообще, если не считать И.С. Аксакова, славянофилы XIX в. не занимались специальным исследованием проблемы староверия, высказывая лишь отдельные суждения по данному вопросу [28]. При этом, характеризуя сущность раскола, ни И.В. Киреевский (в статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») [13, с. 63–65], ни А. С. Хомяков (в критическом разборе «По поводу статьи И.В. Киреевского») [26] не высказывали идей, изложенных в статье И. С. Аксакова.

Таким образом, позиция И.С. Аксакова могла в какой-то мере оказать влияние на Н.И. Костомарова. Тем более что Н.И. Костомаров был знаком с И.С. Аксаковым, между ними велась переписка [8, с. 21–29]. Но, во-первых, нельзя упускать из виду указанных выше отличий во взглядах на раскол двух мыслителей, во-вторых, идеи И.С. Аксакова относительно старообрядчества не были типичны

для славянофильства. Поэтому, даже признавая влияние взглядов И.С. Аксакова на Н.И. Костомарова, это влияние нельзя характеризовать как усвоение последним славянофильских идей.

Оценка Н.И. Костомаровым старообрядчества как фактора умственного прогресса куда в большей мере перекликается с идеями, высказанными в другой ранее изданной работе – труде А.П. Щапова «Земство и раскол» (1862) [30]. В ней, среди прочего, историк немало пишет о характере старообрядческой образованности, отмечая: «Раскол будил, вызывал своеобразную народную мыслительность... В то время как православный мужичёк мало думал, почти ничего не знал, не писал, не сочинял, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли... Раскол возвышал, поднимал нравственное человеческое достоинство мужичков наших, возводил их на степень учителей, наставников, писателей в то время, когда у них отнимали прежние права, продавали поодиночке отрывая от семейств» [30, с. 155].

Таким образом, почти за десять лет до появления работы Н.И. Костомарова «История раскола у раскольников» идея о староверии как факторе умственного прогресса были высказаны А.П. Щаповым. Трудно сказать, какие работы Афанасия Щапова читал Николай Костомаров, т.к. в его работе «История раскола у раскольников» нет ссылок и списка библиографии. Но он определенно был знаком с идеями А.П. Щапова, поскольку они широко обсуждались в образованном обществе того времени. В частности, рецензии на работы А.П. Щапова печатались в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике» и других периодических изданиях [11; 20; 24; 27].

Новизна идей Н.И. Костомарова по сравнению с концепцией А.П. Щапова заключалась в том, что последний в труде «Русский раскол старообрядчества» (1859) достаточно высоко оценивал уровень благочестия в Киевской Руси, считая, что неправильные представления о значении неизменности обряда, характерные для раскола, стали появляться в Русской церкви после монгольского нашествия [29, с. 18–24]. В работе «Земство и раскол» А.П. Щапов сравнивает умственное развитие в старообрядчестве не столько с предшествующим расколу интеллектуальным состоянием России,

сколько с современными староверию казёнными, правительственными школами, основанными Петром Первым. При этом, по мнению А.П. Шапова, учение старообрядцев имело существенные преимущества. С точки зрения историка, старообрядческая грамотность хотя и «поддерживала суеверие, занимала народ пустыми религиозно-обрядовыми вопросами», тем не менее, была «живым народным учением, и многочисленные массы народа от всего сердца предавались ему» [30, с. 153]. Костомаров же умственный прогресс в староверии описывал как развитие по сравнению со всей предшествующей историей России: историк очень критично оценивал характер благочестия Руси не только в период, непосредственно предшествующий расколу, но и в более отдалённые эпохи, «пробегаая события, явления и строй духовной жизни русского народа в прежние времена» [15, с. 267]. По его мнению, раскол был «едва ли не единственным явлением, когда русский народ не в отдельных личностях, а в целых массах, без руководства и побуждения со стороны власти или лиц, стоящих на степени высшей по образованию, показал своеобразную деятельность в области мысли и убеждения» [15, с. 265]. Историк отмечал, что «русский мужик получал в расколе своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте, кругозор его расширился... он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия, делать заключения» [15, с. 290].

По мнению А.П. Шапова, в старообрядчестве «сохранился, так сказать, окаменелый отколок древней России, выразилась русская народность XVII века» [29, с. I], в то время как у Н.И. Костомарова постоянно постулируется принципиальная для России новизна староверия.

Следует отметить, что в данном случае Костомаров предвосхитил тот путь, по которому в дальнейшем пошло изучение старообрядчества. Для него интеллектуальная ценность старообрядчества заключалась в том, что споры относительно обряда стали для староверов своеобразной гимнастикой ума, при том, что сами по себе дискуссии о сугубой аллилуиа или о восьмиконечном кресте Н.И. Костомаров оценивал как нелепые [15, с. 290]. В соответствии с научными представлениями того времени, историк писал, что

троеперстие имело за собой все признаки древности [19, с. 145], а при столкновении с наукой раскол, как ему представлялось, тотчас оказывается несостоятельным [15, с. 293]. Однако к концу XIX в., после исследований Н.Ф. Каптерева и его полемики с Н.И. Субботиным, а также появления исследований Е.Е. Голубинского, стало понятно, что вопрос о древности двоеперстия и некоторых других характерных для староверия обрядов не так прост, как казалось ранее [6, с. 34–72, 197–223]. Уже в наше время Роберт Крамми показал, что в старообрядчестве с самого начала соединялась «высокая книжная культура» и совокупность народных верований и практик [35, р. 706]. Лидеры староверия (Аввакум, диакон Фёдор, Логгин и др.) не были простыми поборниками старины, как их представлял Костомаров [15, с. 275]. У них был свой взгляд на необходимые изменения в церкви (хотя они их воспринимали как возвращение к древнему благочестию) [35, р. 706]. В. В. Керов показал, что в среде старообрядчества достаточно рано сформировалась раннемодерная трудовая этика [12, с. 4–10]. Но сама постановка вопроса о наличии новизны в старообрядчестве – это заслуга, прежде всего, Н.И. Костомарова.

Попробуем понять, в какой мере постулирование Н.И. Костомаровым идеи о прогрессивном значении старообрядчества было связано с общественно-политической ситуацией середины XIX в., личными взглядами историка на общество и религию? Прежде всего, стоит учесть, что в середине XIX в. среди значительной части образованного российского общества растёт не просто заинтересованность, но и некоторая симпатия в отношении староверов как религиозной группы, гонимой со стороны власти. Историки и публицисты, обычно относимые к так называемому «революционно-демократическому направлению» (в т.ч. А. И. Герцен), начинают рассматривать староверие как возможного союзника в борьбе с царизмом (эти надежды оказались беспочвенными) [25, с. 318–327]. Конечно, Н.И. Костомарова начала 1870-х гг. трудно отнести к историкам революционно-демократического направления. Его взгляды скорее можно охарактеризовать как либеральные. В духе позднепросветительского рационализма Н.И. Костомаров был сторонником идей равенства и свободы личности, отстаивал

равноправие сословий и этнических групп [21, с. 171–172]. Вполне вероятно, это сыграло свою роль в формировании у Костомарова благожелательного интереса к угнетаемому старообрядчеству, что, в свою очередь, способствовало нахождению историком прогрессивных черт в староверии.

Следует также отметить, что хотя Н.И. Костомаров и был убеждённым православным христианином, он неоднократно указывал на необходимость честно обсуждать и исправлять те или иные недостатки в церковной жизни. Н.И. Костомаров весьма критично оценивал достоверность житий [15, с. 269], в первой диссертации «О причинах и характере унии в Западной России» указывал на низкое моральное состояние духовенства перед унией [21, с. 302–303], в ходе обсуждения современных проблем церковной жизни высказывался за гласное обличение имеющих место пороков в жизни духовенства [16]. Более того, взгляды Н.И. Костомарова на некоторые религиозные вопросы отличались от традиционных церковных представлений. Например, описывая воззрения Юрия Крижанича, Н.И. Костомаров пишет: «Крижанич уразумел, что вековой спор между восточной и западной церковью истекает не из самой религии, а из мирских политических причин... Вопрос о разделении церквей есть исключительно вопрос греков и римлян, а к славянам не должен относиться. Нечего им мешаться в чужую распрю. Пусть себе выдумывают церковное главенство и в Риме и в Царьграде, пусть патриарх с папой спорят за первенство,— славяне не должны из-за них чинить раздора между собой и защищать чужие привилегии, чужую верховную власть, а должны знать единое царство духовное, единую церковь, не имеющую рубежей, распространенную во всем свете» [19, с. 356]. Безусловно, подобные взгляды находились в противоречии с православной еkkлесиологией, согласно которой именно православная Церковь является истинной Церковью Христовой, тогда как отделившиеся от единства с ней христианские сообщества представляют собой ту или иную степень отпадения от церковной Полноты [9, с. 265–283]. Однако Н.И. Костомаров полностью солидаризировался с точкой зрения Юрия Крижанича, считая, что они «по своей высоте расходились с узкими воззрениями как сторонников римской

пропаганды, так и их противников» [19, с. 356]. Очевидно, такое мировосприятие также способствовало нахождению Н.И. Костомаровым некоторых позитивных черт в расколе, который, с точки зрения церковной традиции, был однозначным злом.

Ещё одной важной идеей, которую высказывал Н.И. Костомаров относительно старообрядчества, было понимание раскола как результата социального протеста. Историк писал: «Масса народа могла легко покориться реформе, потому что эта масса ничего не знала, что было прежде и не скоро бы распознала что сделалось вновь. Но вышло иное вот отчего: в духовенстве было раздражение против тогдашней духовной власти, в народе существовало недовольство управлением и вообще тогдашним порядком вещей... В народе нашлась значительная масса таких, которые готовы были пристать ко всему, что увеличивало, а тем более освещало их прежнее раздражение против власти вообще... Голос раскольников был как масло к огню» [15, с. 276–277]. Эта мысль не была оригинальной. Как и в случае с идеей об интеллектуальном значении раскола, в данном случае мы видим определённые идейные созвучия как с работами А.П. Щапова, так и И.С. Аксакова.

Автором теории о расколе как проявлении социального недовольства традиционно считают А.П. Щапова, который высказал эту идею в работе «Русский раскол старообрядства» (1859), затем – в труде «Земство и раскол (1862)» [29; 30]. Но ещё до А.П. Щапова идеи о социальной обусловленности раскола выдвигал И.С. Аксаков [2]. Вопрос о соотношении влияния трудов А.П. Щапова и И.С. Аксакова на взгляды Н.И. Костомарова относительно социальной сущности раскола нуждается в дальнейшей разработке. Обращает на себя внимание схожесть логики работ И.С. Аксакова и Н.И. Костомарова о расколе: это и утверждение, что насильственные меры только способствовали усилению раскола (впрочем, подобная точка зрения во второй половине XIX в. была очень распространена) [3, с. 16–24], и описание причин раскола. У Аксакова они выглядят следующим образом: «1) протест против современного порядка вещей; 2) отношение церкви к государству и, по мнению раскольников, казенный характер русской церкви; 3) отвращение от церкви, внушаемое народу духовенством; 4) потребность умственной

деятельности и брожение умов, не имеющих другого правильного способа к удовлетворению этой духовной потребности» [2]. Схожие мысли высказывал и Н.И. Костомаров [15, с. 280–281].

При этом интересно различие во взглядах Н. И. Костомарова и И.С. Аксакова на перспективы староверия. Аксаков, говоря о социальной сущности раскола, предрекал ему долгую судьбу: «я должен сознаться, что не вижу никаких мер, которые, при настоящем порядке вещей, могли бы ослабить значение раскола, как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту» [2]. У Н.И. Костомарова взгляд другой: он уверен, что развитие просвещения и рост грамотности сведут староверие на нет: идея очень распространённая в то время. Историк писал: «Всё упразднится само собой и, быть может, уже недалеко то время, когда раскол сделается исключительно достоянием истории» [15, с. 326].

Таким образом, и постулирование Н.И. Костомаровым прогрессивных черт в расколе, и, особенно, взгляд на раскол как проявление социального протеста, пересекаются со схожими оценками, с одной стороны, И.С. Аксакова, с другой – А.П. Шапова. Следует отметить, что идея о старообрядчестве как проявлении социального протеста получила особую популярность среди исследователей, относимых к так называемому революционно-демократическому направлению исследования старообрядчества. При этом представляется необоснованным утверждение В.В. Молзинского о том, что «видение Костомаровым староверия в контексте социально-противогосударственных движений позволяет констатировать в мировоззрении учёного выраженные черты политического радикализма» [22, с. 7]. Тем более, что путь к преодолению раскола Н.И. Костомаров видел в простом распространении грамотности [15, с. 326]. Значит, по его мнению, во второй половине XIX в. более не оставалось социально-экономических предпосылок распространения старообрядчества. Это как раз противоречит взглядам на раскол историков так называемого революционно-демократического направления [5, с. 67–78].

В историографии по-разному решается вопрос о соотношении влияния романтизма и позитивизма на творчество Н.И. Костомарова [7, с. 68, 70–73, 81, 99, 194]. В целом, работа Н.И. Костомарова

ва «История раскола у раскольников» является достаточно ярким примером романтического историописания. Сам по себе выбор Н.И. Костомаровым объекта исследования отражает характерное для романтиков внимание к уникальному и самобытному в национальной истории. Интерес историка к расколу вполне вписывается в его общую методологическую установку на исследование развития народной духовной жизни, внутренней жизни народа, его понятий, верований, характера, симпатий и антипатий, движения его духовно-морального бытия. Подобное понимание задач исторической науки Н.И. Костомаровым скорее характеризует его как романтика [4, с. 246–247].

Вполне в духе романтизма, с его вниманием к источникам, считавшимися прежде не важными, было и осуществлённое Н.И. Костомаровым введение в научный оборот исторического произведения старообрядца Павла Любопытного. Народ в анализируемой работе становится коллективным героем, субъектом, который может показывать своеобразную деятельность, входить в новые для себя области, отыскивать путь и т.д. [15, с. 265, 325] Характеризуя раскол, Н.И. Костомаров, как и в других своих работах, представляет народное творчество имеющим наиндивидуальный характер. Впрочем, у Н.И. Костомарова нет характерной для многих историков-романтиков идеализации и поэтизации средних веков. Как было отмечено выше, Н.И. Костомаров писал о «спящем мозге» старинного русского человека, его религиозной индифферентности, указывал на жестокость междоусобных войн как доказательство низкой религиозности русских [15, с. 268].

Важно отметить, что язык описания Н. И. Костомаровым народа и раскола (как проявления духовной жизни этого народа) носит ярко выраженные черты колониального дискурса с его ориентализацией народа. Как показал А.М. Эткинд, подобная ориентализация была характерной чертой понимания народа образованным обществом Российской империи и включала в себя конструирование образа народа как Другого, маркирование различий, которое так или иначе препятствует его перемешиванию, гибридизации, ассимиляции [33, с. 270, 282]. Народ был Другим и воспринимался как слитное, недифференцированное целое, на которое были на-

правлены главные пути российской колонизации: миссионерство, этнография и экзотические путешествия [32, с. 383]. При этом раскол был важнейшей из конструкций внутреннего ориентализма, одной из приписываемых народу сущностей, он ассоциировался с мечтательным детством и угрюмой юностью русского народа [31, с. 58–69].

Всё это в полной мере характерно и для описания старообрядчества Н.И. Костомаровым. Особенно бросается в глаза то, что историк уподобляет «мужиков» детям, и именно их детскостью объясняет появление и развитие раскола: «Предоставленный самому себе, отрезанный от течения общей человеческой образованности, народ русский не имел перед собой никакого другого материала, кроме того, что относилось к области религии, и по своему детскому, совсем непривычному к отвлечённостям способу мышления, естественно ухватился за внешнюю, обрядовую сторону» [15, с. 325]. Характеризуя личность старовера-поморца Павла Любопытного, Н.И. Костомаров пишет, что тот расхваливает собственную личность «как только может сделать мужик, который кое-чему научился, кое-что перенял из признаков образованности, но не усвоил приёмов хорошего воспитания и избаловался поклонением его дарованиям, уму и перу, воздаваемым в той среде, где он вращался» [15, с. 294]. При этом, по мнению Н.И. Костомарова, «поморский историк не доучился и не додумался до того, чтобы везде находить причины и связь явлений» [15, с. 298].

Тут мы видим явную аналогию с восприятием европейцами «дикарей» – «получертей, полудетей», как характеризовал их Киплинг. А. Эткинд отмечает, что сравнения русских с детьми, подлежащими воспитанию, и дикарями, подлежащими просвещению, шли из петровской эпохи и были очень распространены в XIX в. [33, с. 291]. Одновременно, предпринятое Н. И. Костомаровым сравнение «мужиков» с детьми вписывается в романтическую триаду молодость/зрелость/старость, используя которую историки-романтики, в том числе и Костомаров, считали возможным описывать историю народов [34].

При этом в полном соответствии с колониальным дискурсом Н.И. Костомаров видит в расколе объект просвещения со стороны власти и образованного общества, несущих, по ироничному вы-

ражению А. Эткинда, «бремя бритого человека» [33]. Отмечая, что в старообрядчестве умственная деятельность простолюдина активизировалась, показав (в том числе на примере сочинения Павла Любопытного), что постепенно среди раскольников растёт сознание отличия важности содержания и формы (для Н.И. Костомарова это – безусловный умственный прогресс), необходимости «правильного просвещения и заведения училищ», историк в конце своего произведения пишет: «правильная заботливость власти и просвещённого общества о народном образовании сделает ненужным и самый раскол и тот путь, который в нём народ сам себе отыскал для своего умственного и нравственного возвышения» [15, с. 326].

Таким образом, в основе воззрений Н.И. Костомарова на старообрядчество лежит понимание им этого явления как фактора интеллектуального развития народа. Отчасти подобная точка зрения перекликается с идеями, ранее высказанными И.С. Аксаковым. Однако в большей мере предложенная Н.И. Костомаровым оценка интеллектуального значения старообрядчества в жизни русского народа соответствует взглядам А.П. Щапова. Новизна подхода Н.И. Костомарова заключалась в акцентуации принципиальной новизны той интеллектуальной жизни простонародья, которая возникла в старообрядчестве. Взгляд Н.И. Костомарова на раскол как на частично прогрессивное явление был тесно связан со спецификой общественно-политических и религиозных воззрений историка, а также общим увлечением историей и современным положением старообрядчества в образованном обществе пореформенной России. Оценка Н.И. Костомаровым значения социального недовольства в распространении староверия также перекликается с ранее высказанными идеями И.С. Аксакова и А.П. Щапова. В целом, исследования Н.И. Костомаровым старообрядчества проводились в русле романтических традиций историописания. При этом описание Н.И. Костомаровым старообрядчества носит ярко выраженные черты колониального дискурса с его ориентализацией народа.

1. Аксаков И. С. Письма к родным (1849–1856) / И. С. Аксаков. – М., 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0160.shtml
2. Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах / И. С. Аксаков // Русский архив. – 1866. – № 4. – С. 627–644.
3. Асипова Н. В. Церковный раскол в общественном мнении России (конец 1850-х – 1860-е гг.) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Н. В. Асипова. – М., 2009.
4. Богдашина О. М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.) / О. М. Богдашина. – 2-е вид., доп. та переробл. – Х., 2013.
5. Вишленкова Е. А. Историк в условиях демократического подъема 1850–1860-х гг. / Е. А. Вишленкова // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. – Вып. 20. – С. 67–78.
6. Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами / Е. Е. Голубинский // Богословский вестник. – 1892. – Т. 1. – № 1. – С. 45–76; № 2. – С. 277–312; № 3. – С. 485–506; Т. 2. – № 4. – С. 34–72; № 5. – С. 197–223.
7. Гончар О. Т. Микола Костомаров: постать історика на тлі епохи / О. Т. Гончар. – К., 2017.
8. Емельянов Е. П. Национальный вопрос в переписке И. С. Аксакова и Н. И. Костомарова / Е. П. Емельянов // Научный диалог. – 2013 – № 6 (18) : История. Социология. Этнография. – С. 21–29.
9. Зайцев А. А. Границы Церкви / А. А. Зайцев // Православная энциклопедия. – Т. 12. – С. 265–283.
10. Каплин А. Д. Из истории русской религиозной мысли XIX в.: Славянофильская идея исторического развития России / А. Д. Каплин. – Харьков, 2000.
11. Карнович Е. П. Рец. на: Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII : опыт исторического исследования о причинах происхождения русского раскола. Соч. А. Шапова / Е. П. Карнович // Отечественные записки. – 1859. – Т. 124. – № 5. – С. 1–29; № 6. – С. 77–94.
12. Керов В. В. Старообрядчество как конфессия раннесовременного типа и проблема «обрядоверия» / В. В. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность. – 2007. – Вып. 12. – С. 4–10.

13. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России: (Письмо к г. Е. Е. Комаровскому) / И. В. Киреевский. – М., 1852.
14. Кожурин К. Я. Культура русского старообрядчества (XVII – XX вв.). Часть вторая : учебное пособие / К. Я. Кожурин. – СПб., 2010.
15. Костомаров Н. И. История раскола ураскольников / Н. И. Костомаров // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. (Серия «Актуальная история России»). – М., 1994. – С. 265–327.
16. Костомаров Н. И. По поводу мыслей светского человека о книге «Сельское Духовенство» / Н. И. Костомаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/kostomarov_n_i/text_1863_po_povodu_mysley.shtml
17. Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII веке / Н. И. Костомаров // Н. И. Костомаров. Раскол. Исторические монографии и исследования. (Серия «Актуальная история России»). – М., 1994. – С. 239–264.
18. Костомаров Н. И. Автобиография Н. И. Костомарова. – М., 1922.
19. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – 6-е изд. – Кн. 2: Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVII-ое столетие. – СПб., 1912.
20. Лонгинов М. Н. Русское старообрядчество. Рец. на: Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII : опыт исторического исследования о причинах происхождения русского раскола, соч. А. Шапова / М. Лонгинов // Русский вестник. – 1859. – Т. 21. № 5. – С. 38–43.
21. Микола Костомаров: Віхи життя і творчості : Енцикл. довід. / В. А. Смолій, Ю. А. Пінчук, О. В. Ясь ; вступ ст. і заг. ред. В. А. Смолія. – К., 2005.
22. Молзинский В. В. Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества / В. В. Молзинский // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы X Международной научной конференции 15-17 ноября 2011 г., г. Москва. – М., 2011. – Т. 2. – С. 5–12.
23. Пушкарёв С. Г. Историография Русской Православной Церкви / С. Г. Пушкарёв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/16_p/ush/karev_0.htm

24. Рец. на: Земство и раскол, А. Щапова. Выпуск первый. Спб., 1862; «Бегуны», А. Щапова («Время», 1862, октябрь и ноябрь) // Современник. – 1863. – № 3. – С. 110–122.
25. *Таранец С. В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века) / С. В. Таранец. – К., 2012. – Т. 1.
26. *Хомяков А. С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» / А. С. Хомяков // Алексей Степанович Хомяков. Полное собрание сочинений. Т. 1. Издание третье. Дополненное. – Москва, Университетская типография, на Страстном бульваре. 1900. – С. 197–263.
27. Что иногда открывается в либеральных фразах! Рец. на: Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: опыт исторического исследования о причинах происхождения русского раскола. А. Щапова // Современник. – 1859. – Т. 77. № 9. – С. 37–52.
28. *Шахов М. О.* Философские аспекты староверия [Электронный ресурс] / М. О. Шахов. – Режим доступа : <http://starajavera.narod.ru/>
29. *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII : опыт исторического исследования о причинах происхождения русского раскола / А. П. Щапов. – Казань, 1859.
30. *Щапов А. П.* Земство и раскол / А. П. Щапов. – СПб., 1862.
31. *Эткинд А. М.* Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – М., 1998.
32. *Эткинд А. М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. М. Эткинд. – М., 2013.
33. *Эткинд А. М.* Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России / А. М. Эткинд // *Ab imperio*. – 2002. – № 1. – С. 265–298.
34. *Ясь О. В.* Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX – 80-ті роки XX ст.): Монографія: У 2 ч. / О. В. Ясь. – К., 2014. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/History/HistorianAndStyle.html>
35. *Crummey R.* Old Belief as Popular Religion: New Approaches / R. Crummey // *Slavic Review*. – 1993. – Vol. 52. No. 4. – Pp. 700–712.

Еремеев П. В. «Явище нове, чуже старій Русі»: специфіка висвітлення М. І. Костомаровим історії старообрядництва

У статті здійснена спроба з'ясувати наскільки оригінальними для свого часу були погляди М.І. Костомарова на сутність та значення старообрядництва. З'ясовано зв'язок ідей історика стосовно старовір'я з поглядами І.С. Аксакова та П.П. Шапова, що висловлювалися раніше. Аналізується вплив суспільно-політичних та релігійних переконань М.І. Костомарова, його методологічних підходів на оцінки старообрядництва. Стверджується, що у поглядах М.І. Костомарова на розкол виявилася достатньо типова для ХІХ ст. орієнтація народу.

Ключові слова: М.І. Костомаров, старообрядництво, історіографія, І.С. Аксаков, П.П. Шапов, романтизм, орієнталізм, внутрішня колонізація.

Yeremieiev Pavlo. «A New and Strange Phenomenon for the Old Russia»: the Specificity of N. I. Kostomarov's Historic Coverage of the Old Belief

The article attempts to ascertain the originality of Nikolay Kostomarov's views on essence and value of the Old Belief. The paper traces the linkages between N. I. Kostomarov's position on the Old Belief and earlier expressed views of Ivan Aksakov and Afanasiy Shapov. The author analyzes the influence of social-political and religious beliefs as well as methodological approaches of Nilolay Kostomarov on the specificity of his Old Belief studies. It is shown that Kostomarov's views of the Old Belief are characterized by orientalizing of the folk, which was rather typical for the 19th century.

Keywords: N. I. Kostomarov, Old Belief, historiography, Ivan Aksakov, Afanasiy Shapov, Romanticism, Orientalism, internal colonization.